

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии прот. Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) // Богословский вестник 1896. Т. 2. № 5. С. 238—263 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Опытъ біографическаго очерка) ¹⁾.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ жизни Московской Академіи случилось нѣчто особенное, что усилило еще болѣе ся ученую дѣятельность. Определеніемъ Св. Синода, состоявшимся въ декабрѣ 1840 года, постановлено было издавать при ней журналъ съ переводами твореній св. Отцевъ и съ прибавленіями духовнаго содержанія. Заботы объ изданіи журнала начались въ Академіи давно—со времени вступленія на должность ректора Филарета и даже нѣсколько ранѣе. Филаретъ назначенъ ректоромъ въ декабрѣ 1835 года, а въ половинѣ октября этого года, когда Филаретъ былъ еще инспекторомъ, у митрополита уже находился на разсмотрѣніи его проэктъ академическаго изданія. Но сразу дѣло хода получить немогло; ибо митрополитъ не находилъ полезнымъ снѣшить осуществленіемъ задуманнаго предпріятія. Въ 1836 году онъ писалъ Филарету: „дѣло не созрѣло для исполненія въ 1836 году, а надежнѣе продолжать готовиться къ 1837 году“. Въ Академіи и готовились къ нему этотъ и еще два года. Наконецъ, въ 40 году, указомъ Св. Синода оно было рѣшено. Академіи предоставлено было для разсмотрѣнія переводовъ и сочиненій, предназначаемыхъ къ печатанію въ изданіи, составить комитетъ, который въ іюнѣ 1841 года и былъ составленъ изъ четырехъ членовъ—инспектора Академіи и профессоровъ: Голубинскаго, Дели-

¹⁾ См. В. В. Мартъ.

цына и А. В—ча, подѣ председательствомъ ректора. Въ январѣ слѣдующаго года редакціонный комитетъ представилъ митрополиту на усмотрѣніе переводъ первыхъ трехъ словъ св. Григорія Богослова, предназначенныхъ для помѣщенія въ первой книжкѣ изданія (съ приложеніемъ подлинника) и статьи для прибавленій къ ней. Митрополитъ не одобрилъ перевода и возвратилъ его въ Академію, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями на него. Въ октябрѣ переводъ былъ пересмотрѣнъ вновь, исправленъ и опять представленъ митрополиту; въ этотъ разъ члены редакціоннаго комитета просили у него дозволенія начать изданіе журнала. Митрополитъ написалъ резолюцію: „Богъ благословитъ благое начинаніе благимъ успѣхомъ. Соглашаюсь на представленное“, и журналъ съ 1843 года началъ издаваться ¹⁾. Разумѣется, на первыхъ порахъ своего существованія журналъ требовалъ усиленной поддержки отъ профессоровъ. Это призывало ихъ къ болѣе энергичной дѣятельности: приходилось каждому усиленнѣе заниматься въ своей области и результаты добытыхъ знаній обнародывать въ видѣ статей въ академическомъ журналѣ. А. В—чь особенно старался для изданія. Не выходило ни одной книжки, чтобъ онъ не помѣстилъ въ ней одну, а то двѣ и три своихъ статьи.

Главному организатору журнала — ректору Филарету не пришлось увидѣть на мѣстѣ плода своихъ трудовъ. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1841 года онъ былъ посланъ ревизоромъ въ Пензенскую и Тамбовскую семинаріи. Не успѣлъ онъ возвратиться оттуда, какъ въ октябрѣ опять былъ отпращенъ въ Симбирскъ для производства изслѣдованія по дѣлу о какихъ-то безпорядкахъ въ семинаріи; въ концѣ октября, когда онъ былъ еще въ Симбирскѣ, ему и совсѣмъ пришлось проститься съ Академіей: онъ былъ назначенъ на епископскую кафедру въ Ригу. Его мѣсто заступилъ инспекторъ, товарищъ по курсу А. В—ча, архимандритъ Евсѣвій (Орлинскій).

Въ мартѣ 1842 года А. В—чь заболѣлъ. Что съ нимъ случилось—простое-ли какое заболѣваніе или обнаружилось переутомленіе отъ чрезмѣрныхъ занятій, мы не знаемъ. Бо-

¹⁾ См. объ академ. журн. у С. К. Смирнова, стр. 103—111.

лѣзнь, во всякомъ случаѣ, тяжела не была. Важно, впрочемъ, не это, а то, къ чему она привела. — Филаретъ, бывшій уже епископомъ, освѣдомившись о болѣзни А. В—ча, писалъ ему изъ Риги: „жалѣю душевно о твоей болѣзни. Христось Иисусъ Спаситель душъ и тѣлесъ да исцѣлитъ немощь твою. Будемъ молить Его, чтобы совершилось надъ нами воля Его. Миѣ пришла мысль при семъ; не знаю, какъ она покажется душѣ твоей. Не принять-ли тебѣ на себя должность по библиотекѣ. Миѣ кажется, что занятія въ ней, не будучи тяжкими, были бы полезнымъ упражненіемъ для ослабленно-физической жизни твоей; они представляли бы по временамъ дѣлать порядочныя движенія тѣлесныя, а это нужно и цѣлительно-бы было для тѣла, не дѣлая вреда душѣ. Христось Господь Самъ да положить въ сердцѣ твоёмъ полезное и нужное“ ¹⁾. А. В—чь принялъ совѣтъ и вступилъ въ должность. — Мы останавливаемся на этомъ потому, что двадцатилѣтнее (1842—1862) библиотечарство А. В—ча имѣло и для него и для Академіи огромное значеніе. Хотя и до этого времени А. В—чь отлично успѣлъ познакомиться съ обширною литературой и своею и другихъ предметовъ, и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической, лаврской и друг. библиотекахъ, но съ того времени, какъ онъ сталъ завѣдывать академическою библиотекою, онъ вовлеченъ былъ въ міръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мірѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни. Стараніями А. В—ча значительно пополнился и самый составъ библиотеки, въ особенности по отдѣламъ богословскому и историческому. Все, что выходило лучшаго по этой части и у насъ и за границей, было неопустительно выписываемо въ библиотеку; и такъ какъ казенныхъ средствъ было недостаточно, то онъ употреблялъ большую часть своихъ средствъ на приобрѣтеніе книгъ, изъ которыхъ составила у него своя замѣчательная иблiотека. Послѣ его смерти она перешла въ Академію; студенты и до сихъ поръ пользуются ея книгами и говорятъ за это спасибо А. В—чу.

Другимъ слѣдствіемъ случившейся съ А. В—чемъ бо-

¹⁾ Письмо Филарета отъ 1 Марта 1842 г. Приб., XXXI, 251.

лѣзни была его поѣздка въ Саввино-Сторожевскій монастырь. Когда, въ 1840 году, съ архим. Филаретомъ они ѣздили въ Новый Іерусалимъ, — имъ не пришлось, на обратномъ пути завернуть въ стоявшій нѣскольکو въ сторонѣ Саввинъ монастырь; и послѣ не выдавалось случая въ немъ побывать, хотя монастырь находится отъ Москвы всего въ сорока верстахъ. Теперь послѣ болѣзни, еще не приступая къ обычнымъ своимъ занятіямъ, онъ и рѣшилъ отправиться въ него. О самой поѣздкѣ мы не знаемъ ничего; но не думаемъ, чтобы А. В.—чъ возвратился изъ нея тощъ.

Путешествія одно за другимъ по монастырямъ зародили въ А. В.—чѣ болѣе смѣлую мысль — съѣздить за границу. Особенное вниманіе его привлекалъ къ себѣ христіанскій Востокъ: на его исторіи и теперь сосредоточивались всѣ ученые работы А. В.—ча. Въ началѣ 1842 года въ Константинополь освободилось мѣсто пастоятеля посольской церкви. А. В.—чъ и хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы осуществить свой планъ. Предварительно онъ написалъ объ этомъ въ Ригу къ преосв. Филарету. По съ этой-то стороны и явилась задержка. Преосв. Филаретъ, зная А. В.—ча и хорошо понимая положеніе посольскаго пастоятеля, не совѣтовалъ ему оставлять Академіи и писалъ оттуда ему: „Другъ мой! Госнода ради прошу тебя, оставь всякое помышленіе о Константинополь. Тебѣ дѣло это представилось совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Ты думаешь найти тамъ нищу для благочестивой любознательности или для благочестивыхъ подвиговъ въ преподаваніи истины Христовой. Идѣтъ, не того ожидаютъ отъ того, кого хотятъ туда послать. Тамъ хотятъ имѣть орудіе политики для переговоровъ. Имѣютъ нужду въ ловкомъ свѣтскомъ человѣкѣ, который бы умѣлъ подъ черною одеждою скрывать намѣренія земной мудрости. Мы съ тобою не рождены для подобной жизни; она убьетъ насъ“¹⁾. А. В.—чъ послушался добраго совѣта.

Мысль о путешествіи на Востокъ всетаки не покидала его. Черезъ три года (въ 1845 г.) онъ опять ухватился за нее и едва было не уѣхалъ въ Іерусалимъ. Преосв. Филаретъ выражалъ ему свое полное сочувствіе. „Предпріятіе Ваше,

¹⁾ Письма Филарета Черниговскаго. Прибавл. XXXIII, 551.

писалъ онъ ему,—истинно доброе! Особенно хотѣлось-бы, чтобы Вамъ даны были средства быть полезнымъ своими трудами бѣдствующей Іерусалимской церкви. Протестанство пускаетъ тамъ корни, Больно то, что чистая вѣра стѣсняется въ своихъ границахъ“¹⁾. А. В-чъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи родителей. Отецъ, въ отвѣтномъ письмѣ, сначала удивляется, откуда могла явиться у сына такая мысль; потомъ входитъ въ ся ближайшее разсмотрѣніе и наконецъ даетъ свое благословеніе. „Письмо твое,—говорилось въ немъ,—задало намъ такой вопросъ, на который можно отвѣчать не вдругъ. Мысль путешествія въ края неблизкіе и чужіе, съ чего и давно-ли затаилась въ душѣ вашей? Кто заронилъ ее въ вашу душу? Мы слышали отъ Васъ какъ то мимоходомъ пенарочно нѣсколько словъ, коими Вы выражали свое намѣреніе побывать вмѣсто прогулки во время роздыха учебнаго въ Воронежѣ и въ Кіевѣ, а не въ Іерусалимѣ, Египтѣ и Греціи: откуда рѣшимость пуститься въ области заотечественныя, заморскія? Видно удушливая пыль хартій архива патриаршаго стала уже стѣснять свободное дыханіе вашей любознательности. Вздумалось освѣжиться благотворнымъ бальзамическимъ, классическимъ, святымъ вѣяніемъ Востока!—Вотъ, что А. В-чъ сложилъ въ сердцѣ своемъ, и сложилъ, какъ видно, не слишкомъ въ продолжительное время, а вѣроятно—не далѣе 6-го февраля, когда онъ сталъ единогласно избранъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Императорскаго общества любителей исторіи и древностей Россійскихъ. Другъ нашъ милый! Не только доброе дѣло,—доброе намѣреніе, доброе предположеніе, имѣютъ свою добрую цѣну. Мы всегда были въ тебѣ вполне увѣрены и опытомъ дознали, что ты ни на что такое не рѣшишься, чего не обозришь со всѣхъ сторонъ, для тебя возможныхъ. Убѣждаясь этою внутреннею, много дознанною сознательностію, мы бы постунали противъ искренности своихъ чувствій сердечныхъ, если бы остановили какимъ-нибудь, не говорю—отказомъ,—противорѣчіемъ твое намѣреніе, вызванное цѣлями безъ сумнѣнія самыми благороднѣйшими. Когда ваше начальство не найдетъ съ своей стороны никакихъ препятствій удержать вашего же-

1) Письмо въ „Прибавл.“ XXXVI, 94.

ланія, и когда вы находите и средства удовлетворить вашему желанію безъ разстройства и круга вашихъ по должности занятій и круга вашего состоянія,—то съ нашей стороны остается одно только: Богъ благословитъ“. Зная, что на такой далекій путь сыну потребуются деньги и—не мало, отецъ предлагаетъ ему отъ себя 150 руб. „Это правда,—говорилъ онъ ему въ письмѣ,—что въ капиталѣ, нужномъ для вашего пути, моя прибавочка будетъ не болѣе лепты или крупичицы; но за то пойдетъ она отъ самаго чистаго сердца“¹⁾. Такимъ образомъ, повидимому все благопріятствовало поѣздкѣ: и одобреніе преосв. Филарета и согласіе родителей. Но и на этотъ разъ не суждено было осуществиться желанію А. В—ча. Спутникъ его М. П. Погодинъ, вызывавшійся и его вызывавшій на путешествіе, разстроился здоровьемъ и былъ не въ состояніи пуститься въ дорогу. Дальше Вологды въ это лѣто А. В. никуда не ѣздилъ²⁾. Филаретъ послѣ еще разъ пытался устроить командировку А. В—ча на востокъ. Въ 1847 г. въ Ригу прибылъ изъ Св. Синода Сербиновичъ. Въ разговорѣ съ нимъ о миссіяхъ и миссіи на востокъ онъ замолвилъ было слово за А. В—ча; но ему Сербиновичъ отвѣчалъ, что „онъ не инокъ, а тамъ необходимъ инокъ“³⁾. Мысли о заграничномъ путешествіи послѣ у А. В—ча никогда не возникало. Домашнія обстоятельства и усложнившіяся обязанности служебныя крѣпко приковали его къ мѣсту.

1846 и 1847 годы принесли въ домъ А. В—ча одни семейныя несчастія. Лѣтомъ 1846 г. умеръ мужъ Ю. В—ны; а чрезъ годъ, во время Костромскаго пожара, истребившаго почти половину города, сгорѣлъ ея домъ. Въ довершеніе всего этого, въ іюль 1847 г. пришла въ Кострому печальная вѣсть о смерти Вл. В—ча. Несчастный страдалъ какою то грудною болѣзнію. Не желая тревожить родныхъ, онъ не писалъ имъ объ этомъ. Долго боролся онъ съ тяжелою болѣзнію; она не поддавалась леченію и онъ скончался,—вдали отъ родины, на чужихъ рукахъ. Родители и братъ узнали о его смерти лишь чрезъ пять мѣсяцевъ.

1) Письмо В. С—ча къ А. В. отъ 8 Апр. 1845 г., у О. П. Салмановой.

2) Письмо В. С—ча къ Вл. В—чу отъ 22 Апр. 1846 г., у О. П. Салмановой.

3) Письмо Филарета къ А. В—чу „Прибавк. XXXVI, 125.“

Трудно себѣ и представить всю горестъ родительскую по утратѣ дорогого, нѣжно любимаго сына. Отецъ убивался, мать и сестра неутѣшно плакали и не находили облегченія. Письмо В. С—ча въ Лавру къ сыну, отправленное имъ вскорѣ по полученіи скорбной вѣсти, все полно этого невыразимаго, неисчерпаемаго горя. „Другъ единственный,— такъ писалъ теперь ему В. С-чъ,—А. В-чъ! Читая вмѣстѣ съ вами послѣднее письмо изъ Пекина отъ 3-го марта, можно-ли бы подумать, что оно писано было рукою предсмертнаго уже страдальца? Ахъ! Безцѣнный Вл. В-чъ,— онъ берегъ не самого себя, а насъ! Пламенная только любовь его къ намъ могла выдержать такую геройскую тайну“. Далѣе въ письмѣ отецъ рассказываетъ, какъ дошла до нихъ вѣсть о смерти Вл. В-ча. 31-го іюля изъ Посада въ Кострому прибылъ нѣкто Ѡ. И. Красовскій; и въ кругу родныхъ своихъ тогда же рассказалъ имъ, что слышалъ и видѣлъ у А. В-ча. 1-го августа, когда послѣ хода на воду В. С. возвратился въ соборъ, В. Г. Зоринъ, второй соборный священникъ, родственникъ его, паханунъ еще слышавшій о смерти Вл. В. и не желавшій самъ быть передатчикомъ печальной вѣсти, настоялъ, что-бы онъ непременно повидался съ Красовскимъ. Отъ него-то и узналъ В. С. то, чего ни какъ не ожидалъ. „Вотъ,—ишетъ В. С.—какою кривою дорогою, но такъ прямо дошелъ до насъ горестнѣйшій ударъ! Дѣло было очевидное; но вѣрить никакъ не хотѣлось. Грудь стѣснялась, дыханіе замиралось, слезы текли невольно,—а мысль искала отрады въ сумнѣніи. Но сумнѣніе не устояло предъ истиною. Мы потеряли Вл. В-ча, потеряли друга, потеряли безцѣпнаго сына!—Я перенесъ все слышанное въ домъ свой. Боже мой! Чего не дѣлала надъ собою сестра твоя горестная!“ Не говоря больше объ этомъ, въ заключеніи письма отецъ проситъ А. В-ча беречь свое здоровье—хоть для нихъ ¹⁾. Такая же тяжелая скорбь и горе слышатся и въ строкахъ матери. „Любезнѣйшій нашъ А. В-чъ! Какою горестію посѣтилъ насъ Госнодь! Не стало у насъ одного друга. Ахъ дѣти, дѣти! Чего вы стоите отцу и матери. Не даромъ я на васъ никогда не наглядѣ-

¹⁾ Письмо В. С. къ А. В. отъ 5 Авг. 1847 г., у О. П. Салмаповой.

лась. Господь съ тобою. Будь здоровъ“¹⁾). Не скоро могли забыть родители свою потерю²⁾).

Какъ встрѣтилъ и перенесъ горе самъ А. В-чъ, не знаемъ. Полагаемъ,—не мало было передумано и перечувствовано имъ за это время. Предъ своею смертію Вл. В-чъ, должно быть, отправилъ было къ нему одно письмо; но потомъ—не утерѣлъ, и послалъ чрезъ нѣсколько дней, въ добавленіе другое, въ которомъ изложилъ свою послѣднюю къ нему просьбу. Именемъ всею для него дорогаго онъ просилъ его бросить холостую жизнь и жениться. „Нѣтъ! не могу молчать,—такъ начинается это письмо,—хотя и долженъ тебѣ сказать слово, прискорбное и тяжкое твоему сердцу. Братецъ, умоляю тебя именемъ нашихъ родителей,—именемъ братней любви,—брось холостую жизнь и женись скорѣе для утѣшенія нашихъ отца и матери, съ такимъ грустнымъ терпѣніемъ ожидающихъ и не могущихъ дожидаться радости—видѣть потомство—въ прямой линіи, для поддержанія и существованія нашего рода. Боже мой! ужели мы должны быть истребителями имени, которое дала намъ родительская любовь! Ты знаешь мое положеніе, могу-ли я мечтать о семьѣ и семейной жизни? Если и пощадить Господь мою жизнь, то, во всякомъ случаѣ, человекъ носящій въ груди такую болѣзнь, какъ благородный человекъ, не желающій заѣдать чужаго вѣка,—долженъ совершенно отказаться отъ узъ брака. Самъ Господь указываетъ теперь путь, который должно тебѣ избрать. Сестра вдова,—при томъ же она не хранительница рода; я колеблюсь между жизнію и смертію, калѣка, годный только поступить въ какой-нибудь благотворительный домъ. Остался ты одинъ. Милый братецъ! Говорю отъ души и сердца,—душѣ моею прискорбно, невыносима мысль, что мы два брата, или по нежеланію или по невозможности, оба изгинемъ холостяками, влѣдствіе-ли закоренѣвшихъ идей, или влѣдствіе закоренѣвшей болѣзни схоронимъ честное имя батюшки на вѣки, какъ будто оно недостойно передачи потомству или запозорено страшнымъ и не смываемымъ пятномъ. Доколѣ былъ свѣжъ и здоровъ,—я никогда ни однимъ словомъ не касался этого предмета.

1) Приниска матери на письмѣ В. С--ча отъ 5-го Августа 1847 г.

2) Письмо Евсевія (Орлинскаго) къ А. В-чу. Приб. XXXVII, 739.

И думалъ, коли братъ не хочетъ быть семьяниномъ, то я буду имъ; значить, все равно, — долгъ предъ родителями и родомъ будетъ уплаченъ, А теперь не могу не молить, и молить тебя, безцѣнный братецъ, чтобы ты поддержалъ, обновилъ и далъ большую силу и крѣпость нашему дому, который, въ случаѣ если, — чего не дай Богъ! — и прежнія просьбы отца и матери и позднѣйшія мольбы полуживого брата не тронуть твоего сердца, — погибнетъ на вѣки, брошенный тѣми, кто должны были бы созидать его, а не разрушать. Не огорчись жестокостію моихъ словъ; она вытекла изъ любви, любви пламенной къ тебѣ, нашему родному семейству и нашему роду. Братецъ, не одни шюки идутъ въ царство небесное! Не стану объ этомъ распространяться; ты самъ лучше меня знаешь настоящій предметъ, а потому лучше предоставить твоему благоразумію, которое да согрѣется любовію и подъ ея несложный голосъ произнесетъ отвѣтъ — благожеланный и спасительный для всѣхъ. Братецъ, я высказалъ тебѣ задушевную мольбу и желаю, чтобы она нашла въ тебѣ естественное и живое сочувствіе; только подъ этимъ условіемъ я прошу исполненія моей просьбы; но я далекъ отъ желанія — видѣть свою просьбу исполненною во чтобы то ни стало. Боже тебя сохрани отъ насилуванія души. Если душа твоя и теперь останется холодною къ брачной жизни, и если эта холодность вытекаетъ изъ коренныхъ основаній души; то значить, такъ уже суждено намъ на роду, — и судьба нашего семейства не отразима! Только раздумай, любезнѣйшій братецъ, о всемъ этомъ дѣлѣ, взвѣсь все, что должно. Какой бы ни былъ твой отвѣтъ, я все равно буду любить тебя, моего единственнаго брата, — потому что буду вѣрить, что ты если не исполнишь моей сердечнѣйшей просьбы, то безъ сомнѣнія по причинамъ, неотразимо требовавшимъ отказа. Да, братецъ, я буду любить тебя такъ же горячо и пламенно, какъ любилъ, какъ люблю, какъ желаю, чтобы ты меня любилъ. Еще прости“. Далѣе слѣдовала приписка: „написалъ я письмо домой одну четвертку, и то съ большимъ трудомъ; потому что старался писать получше, чтобъ по почерку не узнали моей болѣзни. Кажется, мое стараніе напрасно. Если дома будутъ дѣлать какія нибудь предположенія и недобрые выводы и извѣстятъ тебя о томъ, то употреби всѣ средства успокоить ихъ она-

сеня“¹⁾. Письмо Вл. В—ча было длинно. Онъ излилъ въ немъ всю свою душу, высказалъ все, что надумалъ, лежа на предсмертномъ одрѣ. Но какъ онъ ни просилъ, какъ ни молилъ А. В—ча жениться, тотъ не женился. Видно, его на это причины были сильнѣе предсмертной мольбы умирающаго брата.

Время все уносить съ собой. Потекли послѣ смерти Вл. В—ча годы, — улеглась понемногу и скорбь. А. В—чъ по прежнему весь отдался своему дѣлу. А дѣла только прибывало. Не прошли и два года, — А. В—чу дали новое порученіе, — такое, которое потребовало для себя не мало времени, не мало и знаній и труда. Въ Москвѣ съ давнихъ поръ существовала библиотека, такъ называемая — „Синодальная“. Въ ней было столько разныхъ старинныхъ книгъ, рукописей, бумагъ и актовъ, что все это представляло богатѣйшій матеріалъ для исторіи русской церкви, какого не могло дать ни одно книгохранилище, ни одна библиотека²⁾. А между тѣмъ матеріалъ этотъ оставался непроезвездительнымъ: за неимѣніемъ настоящаго указателя къ нему имъ почти не возможно было пользоваться. Нужда въ подобномъ вспомогательномъ для ученыхъ историковъ средствѣ чувствовалась давно. Свѣтскія лица, соприкосновенныя съ историческою наукою, не разъ упрекали, и — вполне справедливо, духовныя власти въ ихъ косности по этому дѣлу. Наконецъ, инициативу его взялъ на себя м. Филаретъ. Въ маѣ 1849 года онъ писалъ къ ректору Академіи Алексію (Ржаницыну): „говорять, — чужіе люди предпринимаютъ безъ насъ для синодальной библіотеки то, о чемъ я давно думаю, не достигая дѣла, — именно составленіе отчетливаго каталога, и даже помышляютъ о напечатаніи. Посему скажите цензорамъ, чтобы, если что въ семъ родѣ явится въ цензуру, удержать отъ пропущенія, безъ представленія Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встрѣтится. — Но какъ желательно намъ самимъ, такъ какъ и нужно, сдѣлать дѣло, за несдѣланіе котораго могутъ укорить: то поговорите съ г. Гор-

1) Письмо Вл. В—ча къ А. В—чу отъ 5-го Марта 1847 г., у О. П. (Алчановой). — А. В. сверху помѣтилъ на немъ: продолженіе письма получ. 19 іюня 1847 г.

2) Подробно о Московск. Синодальн. библ. см. у Иконникова въ „Опытѣ русской исторіографіи“.

скимъ, не возмется-ли онъ за сіе дѣло съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ можно было-бы взять въ Москвѣ и которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и повѣрялъ, посѣщая Москву по временамъ. Займитесь сею мыслию и дайте мнѣ отвѣтъ“¹⁾). Письмо это рѣшило дѣло. Послѣ совѣта съ ректоромъ А. В. взялся за него²⁾).

Нужно было ему найти способнаго себѣ помощника. Будучи профессоромъ, А. В.—чѣ зналъ всѣхъ студентовъ—и оканчивающихъ и окончившихъ курсъ въ Академіи; поэтому выбрать одного изъ нихъ въ сотрудники себѣ въ массѣ было не трудно. Вниманіе А. В.—ча остановилось на преподавателѣ симбирской семинаріи Капитовѣ Ивановичѣ Невоструевѣ. Когда Невоструевъ былъ еще въ Академіи, онъ уже обнаруживалъ наклонности къ занятіямъ историческимъ; это было извѣстно А. В.—чу. Получивъ потомъ мѣсто преподавателя Невоструевъ не охладѣлъ къ историческимъ и археологическимъ розысканіямъ и составлялъ описаніе монастырей симбирской епархіи. А. В.—чѣ, съ которымъ онъ по выходѣ изъ Академіи не прерывалъ письменныхъ сношеній, былъ дѣятельнымъ ему помощникомъ въ этомъ и совѣтомъ и дѣломъ. Теперь А. В.—чѣ и хотѣлъ привлечь его къ своей работѣ; требовалось только заручиться для этого личнымъ согласіемъ Невоструева. По этому поводу между ними и завязалась переписка. А. В.—чѣ 3 іюня писалъ ему въ Симбирскъ: „по порученію нашего Владыки я долженъ былъ принять на себя составленіе отчетливаго описанія славянскихъ рукописей синодальной бібліотеки и для этого избрать себѣ сотрудника, который-бы на мѣстѣ могъ вести это дѣло подъ моимъ надзоромъ и распоряженіемъ. Выборъ мой палъ на Васъ. Для этого Владыка согласился представить высшему начальству о вызовѣ Васъ въ Москву, съ освобожденіемъ отъ настоящихъ занятій Вашихъ при Семинаріи и съ производствомъ вамъ тѣхъ-же окладовъ, какими вы пользуетесь нынѣ на службѣ при Семинаріи. Для этого же даны будутъ вамъ въ Москвѣ и помѣщеніе

1) См. письмо м. Филарета къ арх. Тверскому Алексію. Москва 1883 г. 45—46.

2) См. Дневникъ А. В.—ча. Прибавл. XXXIV. 315. 319. 330. Ср. Собраніе мнѣній и оговорокъ м. Филарета. Т. дополнител. 277.

въ Чудовѣ монастырѣ и два писца изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Семинаріи. Я же буду по временамъ пріѣзжать въ Москву, вмѣстѣ съ Вами разсматривать, какія рукописи какъ нужно описывать, помогать вамъ въ вашихъ изслѣдованіяхъ, и пр. и пр. Иду отъ васъ скорого отвѣта“ ¹⁾).

На это письмо Невоструевъ отвѣчалъ А. В.—чу, что разборъ синодальныхъ рукописей ему кажется дѣломъ чрезвычайнымъ для него,—что русскую исторію онъ знаетъ только фактически и то не по первоисточникамъ, свѣдѣній же библиографическихъ и филологическихъ, начитанности, что собственно требуется для описанія рукописей, онъ почти не имѣетъ. „И хотя,—говоритъ онъ,—я порядочно читаю и разумѣю рукописи XVI и XVII стол., но у Васъ совсѣмъ иное дѣло. Для этого надо быть Востоковымъ и Строевымъ, которые къ сему заранѣе готовились, жили въ Москвѣ, въ архивахъ и библіотекахъ, или всезнающимъ Евгеніемъ. При томъ и слабое зрѣніе и продолжительность труда, безконечнаго, какъ самая библіотека, смущаютъ меня. Но я и при воспитаніи и на должности занимался собственно богословскими науками и считалъ долгомъ своего званія для нихъ собственно трудиться и писать, а древностями (предполагая жить въ Москвѣ) заниматься въ моемъ родѣ второстепенно. Отнюдь такимъ образомъ не отказываюсь я отъ порученія, да и не могу ослушаться: но хочу токмо донести, что оно поставляетъ меня въ противорѣчіе, борьбу съ самимъ собою. И какъ бы дѣло ни рѣшилось: Божіе приѣмлю назначеніе, потому успокоюсь и по мѣрѣ силъ моихъ буду трудиться: много и здѣсь привлекательностей и, какъ знаю, большая настоять нужда“ ²⁾). А. В.—чь поспѣшилъ успокоить его на счетъ трудности и недоступности предлагаемаго ему дѣла и писалъ ему: „Нечего страшиться предлагаемыхъ занятій. Потребныя дополнительныя свѣдѣнія историческія, библиографическія и др., сколько можно будетъ мнѣ отыскивать въ книгахъ нашей Академической библіотеки, я взялъ бы на себя доставлять вамъ. Чтеніе древ-

¹⁾ Письмо А. В.—ча къ К. П. Невоструеву отъ 3 іюня 1849 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо К. П.—ча къ А. В.—чу отъ 18 іюня 1849 г., въ арх. Горскаго.

нихъ рукописей не составляетъ никакого труда особенно для привыкшаго къ крючковатому письму нашихъ писцовъ XVI и XVII в. Что касается до слабости зрѣнія, не знаю, не преувеличивается-ли ее. Для другихъ книжныхъ занятій зрѣніе не менѣе нужно, какъ и для описанія рукописей. Слѣдоват., если вы можете читать печатныя книги и въ томъ только находите себѣ удовольствіе, чтобы дѣлать время съ книгами: то нечего бояться за перемѣну труда. Вы жалѣете, что должны отстать отъ своихъ богословскихъ занятій: но для усовершенствованія своихъ познаній, при вашемъ неутомимомъ трудолюбіи, вы уже конечно сдѣлали довольно. Притомъ, предполагаемое описаніе не выводитъ насъ изъ круга церковныхъ наукъ, но открываетъ вамъ новую область, вводитъ въ ближайшее знакомство съ минувшимъ временемъ, которое однако же имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. Итакъ не отказывайтесь отъ дѣла¹⁾. Отказываться, послѣ такихъ доводовъ, было нечего, и Невоструевъ, въ концѣ августа, прибылъ въ Москву.

Само собою понятно, что такое большое и великодѣло, какъ описаніе рукописей синодальной бібліотеки, за которое принимались теперь А. В.—чъ и Невоструевъ, требовало обстоятельныхъ предварительныхъ обсужденій задачи, порядка и способовъ, какими его вести. А. В. и воспользовался для этого пріѣздомъ къ нему Невоструева: они выяснили напередъ цѣль своего труда и составили потомъ для него особыя правила. По ихъ планамъ описаніе должно было явиться не „въ видѣ простой описи, служащей къ охраненію рукописей, или подробнаго перечня заключающихся въ нихъ статей“, а въ видѣ серьезнаго ученаго бібліографическаго труда и имѣть цѣлью—„представить болѣе отчетливое о нихъ (т. е. рукописяхъ и статьяхъ) понятіе въ соображеніи съ вопросами ученой изыскательности, обращающей вниманіе и на содержаніе и на языкъ древнихъ памятниковъ письменности. При этомъ, по характеру сихъ памятниковъ, болшею частью церковныхъ, ученныя изысканія преимущественно должны были служить къ объясненію исторіи церкви, ея литературы и древностей“²⁾; а самая ра-

¹⁾ Письмо А. В. къ К. Д—чу отъ 1 июля 1849 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ См. предисловіе къ первому тому „Описанія славянскихъ рукописей Моск. Синод. б—ки“ Гор—го и Невоструева.

бота должна была производиться по такимъ правиламъ: „Рукописи располагать по ихъ содержанію, а затѣмъ—рукописямъ одного содержанія дать мѣсто однимъ за другими, но времени ихъ написанія. 2) Каждую рукопись описывать какъ бы она одна и была въ виду у описателя, но на столько насколько она представляетъ въ себѣ особенностей, не повторяющихся въ рукописяхъ одного съ нею содержанія: отмѣчать примѣты библиографическія, между прочимъ и правописаніе; обозначать содержаніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно болѣе отлично отъ содержанія такихъ же другихъ и при этомъ, имѣя въ виду разборъ нѣсколькихъ рукописей одинаковаго содержанія, обозрѣвать ихъ общее содержаніе въ разборѣ древнѣйшей изъ нихъ; выписывать всѣ приписки и т. п. 3) Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательные памятники литературы, соединять разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и къ языку; а при разборѣ переводовъ и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника. 4) Для оцѣнки переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужезычныхъ, всегда отыскивать источникъ, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель — и если нѣтъ его въ печатныхъ изданіяхъ, искать въ греческихъ рукописяхъ, въ синодальной библіотекѣ или въ другихъ доступныхъ. 5) Все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія и изслѣдованія, какъ въ главномъ содержаніи рукописи, такъ и во вставныхъ статьяхъ и въ припискахъ, должно-быть по мѣрѣ возможности изслѣдовано и объяснено. 6) Всѣ выписки изъ рукописей, какъ-бы ни были онѣ велики или малы, должны быть передаваемы въ описаніи съ буквальною точностію“ ¹⁾).

Имѣя подъ рукою такія руководственныя правила, Невоструевъ, по возвращеніи въ Москву, не медля приступилъ къ описанію. — „Господь да благословитъ доброе начало трудовъ вашихъ, любезнѣйшій Капитонъ Ивановичъ! — написалъ ему А. В. — чѣ, когда тотъ извѣстилъ его объ этомъ. — Доброе творяще, да не стужаемся его ²⁾).

Стыдиться такого дѣла, да еще лицу духовному, вовсе

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Письмо А. В. къ К. П. Невоструеву отъ 9 сент. 1849 г., въ арх. Горскаго.

не приходилось, когда взяты за него не стыдились люди свѣтскіе; а они готовы были взяться.— Когда стало извѣстно, что А. В—чу съ Невоструевымъ поручено описать синодальную бібліотеку, къ нему въ Лавру явился В. М. Ундольскій—(извѣстный бібліографъ, служившій тогда въ Москвѣ въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ) и предлагалъ отдѣлить ему и М. П. Погодину (историку) для описанія какую-нибудь часть рукописей. А. В—чь, не зная, какъ взглянуть на предлагаемую услугу митрополитъ, отвѣчалъ Ундольскому, что это дѣло не его,—что порученіемъ, сдѣланнымъ отъ начальства, онъ не можетъ располагать по своему: онъ можетъ все передать другому, если будетъ приказано, и не имѣетъ права ничего самъ по себѣ передавать ¹⁾. Ундольскій, возвратившись въ Москву, вошелъ съ ходатайствомъ къ митрополиту и подалъ ему просьбу и объяснительную при ней записку. Митрополитъ, выслушавъ то и другѣе, повидимому, самъ колебался и не зналъ, какъ лучше поступить: оставить-ли описаніе рукописей за Невоструевымъ и А. В—чемъ, или передать его тѣмъ, кто уже занимался подобной работой и заявилъ себя въ ней ²⁾. Въ концѣ онъ пришелъ къ тому рѣшенію, чтобы въ описаніи принималъ участіе и Ундольскій, но на условіяхъ, какія найдетъ нужными А. В—чь. Въ этомъ смыслѣ при личномъ свиданіи отвѣтилъ онъ и А. В—чу.

А. В—чь не замедлилъ представить митрополиту требуемая имъ условія. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ писалъ въ Москву Невоструеву: „въ отвѣтъ на требованіе владыки о присоединеніи къ намъ помощника я написалъ слѣдующее: „Для выполненія предположенныхъ при описаніи синодальной бібліотеки цѣлей и для соблюденія характерасдинства въ описаніи, представляется необходимымъ, чтобы 1) присоединеніе новаго сотрудника въ описаніи упомянутыхъ рукописей нисколько не измѣнило установленный порядокъ въ направленіи всего труда и указаннымъ цѣлямъ и въ распоряженіяхъ касательно производства дѣла (см. планъ); 2) что-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Ундольскій еще въ 1847 г. началъ „Описаніе славян. рукоп. Москов. Патриаршей (Синод.) б-ки“ и уже печаталъ его въ Читеніяхъ Моск. Общ. иет. и древн. російскіихъ (отпечатанные листы явились въ „Чтеніяхъ“ лишь въ 1867 г.).

бы затѣмъ г. Ундольскій упомянутое въ его запискѣ уже оконченное описаніе нѣкоторыхъ рукописей доставилъ ко мнѣ; а выборъ прочихъ представленъ былъ взаимному нашему соглашенію,—тѣмъ болѣе, что на такой выборъ равное имѣеть право и другой мой сотрудникъ; 3) чтобы въ описаніи рукописей г. Ундольскимъ были соблюдаемы правила постановленныя въ предначертанномъ планѣ и какія еще будутъ признаны необходимы по существу дѣла; 4) чтобы Ундольскій при окончаніи описанія какой-либо рукописи передавалъ оное мнѣ для помѣщенія, гдѣ будетъ прилично, по принятому плану; при этомъ, подвергаясь разсмотрѣнію, оно можетъ быть оставлено безъ всякихъ измѣненій, или быть поцолнено или сокращено, по соображенію съ описаніемъ прочихъ рукописей и съ обстоятельствами дѣла“. Что изъ этого выйдетъ, писалъ А. В., не знаю“¹⁾).

Вышло, кажется, то, что предложенныя А. В.—чемъ условія совместной работы не понравились Ундольскому, и онъ отказался отъ участія въ ней. Описаніе рукописей А. В.—чь и Невоструевъ продолжали одни.

Работа ихъ шла приблизительно такимъ порядкомъ. Первоначальное описаніе известной рукописи дѣлалъ на мѣстѣ Невоструевъ; онъ анализировалъ ее, дѣлалъ сличенія, высказывалъ свои соображенія. Тетрадь съ такими описаніями пересылалась за тѣмъ къ А. В.—чу, и тотъ, гдѣ требовалось, исправлялъ ее и снабжалъ своими дополнительными замѣчаніями филологическими, историческими и др. Перелисанная набѣло въ Москвѣ тетрадь опять попадала въ руки А. В.—ча,—уже для окончательнаго пересмотра. Иногда описаніе производилось и такъ: А. В.—чь бралъ изъ Синодальной бібліотеки какую-нибудь рукопись, дѣлалъ замѣтки на нее, и переправлялъ ту и другія къ Невоструеву, который приступалъ тогда къ самому описанію рукописи. Тетрадь его еще путешествовала къ А. В.—чу и потомъ уже переписывалась. Бывали случаи, когда первоначальное описаніе рукописи, если оно не требовало какихъ-либо особенныхъ познаній, дѣлали сами писцы; но

¹⁾ Письмо А. В.—ча къ К. И. Невоструеву отъ 18 ноября 1849 г. въ арх. Горскаго.

ихъ описаніе всетаки не миновало корректорскихъ рукъ Невоструева и А. В—ча ¹⁾).

Трудъ, какъ видно, былъ самый кропотливый. Больше всего доставалось Невоструеву,—не столько впрочемъ, отъ самаго труда, сколько отъ задержекъ его со стороны и другихъ неприятностей изъ за него и по поводу его. Въ своихъ письмахъ къ А. В—чу онъ то и дѣло жалуется ему то на библиотекаря, отказывавшагося дать какой то каталогъ безъ форменнаго приказа митрополита ²⁾, то на писцовъ не слушающихъ его ³⁾, то на завѣдующаго типографіей, который съ умысломъ медлитъ печатать готовыя ихъ тетради ⁴⁾, то, наконецъ, на наборщиковъ, которые не хотятъ вторично перебирать въ корректурныхъ листахъ мѣста, исправленныя А. В—чемъ ⁵⁾. Работа, по этимъ причинамъ, часто останавливалась; а другіе думали, что Невоструевъ не занимается ею, увертывается отъ нея и это прямо говорили ему въ глаза ⁶⁾.

Всѣ эти мелочи, съ которыми Невоструеву приходилось сталкиваться чуть-ли не на каждомъ шагу, черезъ пять лѣтъ занятій въ библиотекѣ окончательно разстроили его и безъ того слабое здоровье, и онъ хотѣлъ было отказаться отъ описанія. А. В—чу пришлось отговаривать и доказывать, что переменна настоящей должности на профессорскую не облегчитъ его болѣзни (ревматизма ногъ), что работа вездѣ трудна и что дѣло его не такъ безпокойно. „Изъ письма Вашего,—отвѣчалъ ему А. В—чь,—слишкомъ короткаго для объясненія рѣшимости, со стороны вашей, очень значительной, увидѣлъ я только то, что болѣзнь не перестаетъ надѣлять васъ часами и днями, слишкомъ тяжкими. Но надобно посмотреѣть

¹⁾ Это видно изъ переписки А. В—ча и К. И. Невоструева, въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо К. И. Невоструева къ А. В. отъ 3 сент. 1849 г., въ арх. Горскаго.

³⁾ Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 28 января 1852 г., 15 декабря 1853 г., 9 февр. 1857 г. и др., въ арх. Горскаго.

⁴⁾ Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 21 іюля 1854 г., отъ 1 ноября 1858 г. и др., въ арх. Горскаго.

⁵⁾ Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 4 апр. 1858 г. въ арх. Горскаго.

⁶⁾ Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 10 февр. 1850 г., въ арх. Горскаго.

на себя и въ день болѣе ясный для души, чтобы не принять кажущееся за дѣйствительное. Вамъ пришло на мысли, что удаленіе отъ настоящихъ занятій, и изъ Москвы, успокоить Васъ. Правда-ли это? Развѣ занятія классическія по должности профессора, вызывающія почти каждодневно къ выходамъ на вольный воздухъ, болѣе представляютъ ручательства въ облегченіе Вашей болѣзни въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ вашимъ, которое позволяетъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходить изъ своей квартиры? Развѣ мелкія проказы учениковъ болѣе общають спокойствія, чѣмъ безмолвное, келейное занятіе съ безмолствующими друзьями-книгами? Развѣ средствъ врачебныхъ болѣе можно найти въ Симбирскѣ, чѣмъ въ Москвѣ?—Всѣ эти вопросы, съ моей точки зрѣнія, я никакъ не могу разрѣшить въ пользу того вывода, какой вы изъ нихъ извлекаете, и никакъ не согласусь, что вамъ ничего не останется болѣе дѣлать, какъ только ѣхать въ Симбирскъ. Давно-ли Симбирскъ сталъ благословенною страной для больныхъ? Почему не въ другой городъ съ болѣе благораствореннымъ климатомъ? Вѣдь онъ вамъ не родина! Вы скажете, что настоящія занятія для васъ трудны, что профессорская должность легче? Но и я васъ, и вы себя знаете: знаете, конечно, напередъ, что легкимъ трудомъ, полученіемъ жалованья безъ труда, вы не удовлетворитесь. Такъ объ чемъ же и толковать? Трудиться тамъ, трудиться здѣсь: вездѣ трудиться. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь вы можете себѣ взять отдыхъ, и при настоящемъ положеніи здоровья должно дать себѣ облегченіе отъ трудовъ. Простите моему неразумію, я не понимаю, кто отъ этого удерживаетъ, — кто обязываетъ васъ къ *orega superogoga-tiva*?—Вы скажете: но двое безотвязныхъ писцовъ гепре-станно требуютъ заботы о приготовленіи для нихъ работы?— Не думаю, чтобы они серьезно могли утомить вашу дѣятельность, идти впередъ ея, вывести васъ изъ сна. Въ настоящее время, когда, по здѣшнимъ дѣламъ, не могу я содѣйствовать вамъ въ приготовленіи для нихъ тетрадей, я просилъ-бы васъ пересмотрѣть тѣ тетради, которыя были писаны ими по моимъ указаніямъ; провѣрить, точно-ли они слѣдовали указаніямъ, — не упущено-ли что-либо и мною достойное замѣчанія. Ходъ работъ нашихъ теперь уже ясно опредѣлился.—Мы другъ друга знаемъ, чего и вамъ и мнѣ

хочется, и что надобно по нашимъ предположеніямъ сдѣлать. Вотъ вамъ для безотвязной злобы дня. — Итакъ есть возможность облегчить себя въ трудахъ; она въ вашихъ рукахъ; не нужно ни у кого ее выпрашивать. У владыки можно развѣ попросить увеличенія вакаціи, чтобы воспользоваться ею для леченія. Закрываю мое письмо желаніемъ бодрости душевной, спокойствія и терпѣнія, а паче скорѣйшаго возстановленія отъ болѣзни⁴. Письмо это, такъ убѣдительно написанное, подѣйствовало на податливый характеръ Невоструева, и онъ остался за дѣломъ.

Описаніе рукописей, при участіи А. В—ча, тянулось цѣлыхъ 14-ть лѣтъ. Результатомъ такой долгой работы было появленіе въ печати, съ именемъ Горскаго и Невоструева, четырехъ довольно объемистыхъ томовъ, въ которыхъ было подробно описано болѣе 340 книгъ и рукописей¹⁾. Этотъ трудъ создалъ А. В—чу настоящую славу ученаго. О немъ говорили тогда всѣ; говорили, что по полнотѣ, основательности, глубинѣ, подробности съ нимъ не могутъ быть даже сравнимаемы знаменитѣйшія описанія знаменитѣйшихъ библиотекъ, составленныя знаменитѣйшими учеными Европы²⁾. Въ 1867 году Академія Наукъ удостоила его полной преміи Ломоносова³⁾.

Ученыя занятія А. В—ча шли своимъ чередомъ. Не легко они доставались ему: но А. В—чъ всегда и въ трудѣ умѣлъ находить утѣшеніе и награду себѣ. Шло бы такъ все

¹⁾ Описаніе славян. рукописей. Моск. Синод. биб—ки (Отдѣлъ первый. Св. Писаніе. М. 1855. Отдѣлъ второй. Писанія Св. Отцевъ. 1. Толкованіе Св. Писанія. М. 1857, 2. Писанія догматическія и духовно-нравственныя. М. 1859; 3. Разныя богословскія сочиненія (прибавленіе). М. 1862).

²⁾ См. автобіогр. воспоминан. Н. Гилярова-Платонова — „Изъ пережитаго“. Ч. II, стр. 96, и статью Г. А. Воскресенскаго: „А. В. Горскій“, въ Славян. Обзорѣннѣ за 1892 г. Окт., стр. 178.

³⁾ Академикъ А. О. Бычковъ, извѣщая тогда объ этомъ А. В—ча, писалъ ему. „Испѣваю передать Вамъ пріятное извѣстіе объ увѣнчаніи Ломоносовскою премією, во вчерашнемъ засѣданіи Академіи Наукъ, Вашего описанія рукописей Синодальной библиотеки, этого многолѣтняго труда, обогатившаго славянскую филологію и нашу литературу многими новыми данными. — Академія Наукъ, на основанія подробныхъ отчетовъ, составленныхъ мною и П. И. Срезневскимъ, единогласно присудила Вамъ и К. И. Невоструеву премію, и такимъ образомъ счумѣла воздать должное и заслуженное труду, которому подобныхъ не много и въ Западно-Европейской литературѣ“. (Письмо отъ 2 дек. 1867 г., въ арх. Гор—10).

время, и онъ былъ-бы покоенъ, — душевно. Но счастье иногда омрачается печалью. Такъ случилось и съ А. В.—чемъ. За десятилѣтній періодъ времени, пока онъ занимался описаніемъ рукописей, и его успѣло посѣтить горе, и не разъ. — Въ 1854 году, ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала занятій А. В.—ча по библиотекѣ, скончался его благодѣтель и лучший потомъ другъ — О. А. Голубинскій. Послѣ 35-лѣтней профессорской дѣятельности, испросивъ себѣ по слабости здоровья увольненіе отъ службы при Академіи, онъ отправился доживать свои послѣдніе дни въ Кострому, гдѣ священствовалъ его отецъ и гдѣ у него еще оставалось родство, и тамъ въ августѣ мѣсяцѣ умеръ. — А. В.—чъ искренно жалѣлъ покойнаго. Въ письмѣ своемъ къ К. И. Невоструеву, съ извѣстіемъ о смерти О. А.—ча, А. В.—чъ называетъ его „незабвеннымъ наставникомъ“, „слово чье возбуждало жизнь многихъ“; а „горестной вѣсти о вѣчной разлукѣ съ нимъ“ — ему „долго не хотѣлось вѣрить“¹⁾. Кто зналъ-бы, какъ много добра сдѣлалъ ему О. А., кто былъ-бы свидѣтелемъ ихъ отношеній, особенно въ послѣднее время, тотъ понялъ-бы скорбь А. В.—ча по утратѣ ученаго сослуживца. — Не улеглось еще, быть можетъ, это горе, какъ А. В.—ча посѣтило другое, сильнѣйшее: умеръ у него отецъ. В. С.—чъ около полутера года страдалъ геморроемъ. Сначала болѣзнь была сносна, потомъ, съ новаго 1857 года, она быстро стала развиваться. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ день своихъ именинъ, онъ уже не могъ выѣхать въ церковь²⁾, а Ю. В.—на извѣщала брата, что „силы отца совсѣмъ истощились, онъ ничего не кушаетъ, такой сталъ изнуренный“. Не добрыя вѣсти изъ дому встревожили А. В.—ча и онъ на пасху, несмотря на безпутицу, поѣхалъ въ Кострому³⁾. В. С. при немъ кое-какъ перемогся. Послѣдній болѣзненный періодъ начался съ конца мая. А. В.—чъ послѣ экзаменовъ въ Академіи тотчасъ отправился домой къ больному отцу. Тотъ еще боролся съ своею болѣзнію; но силы его замѣтно уга-

1) Письмо А. В.—ча къ К. И. Невоструеву отъ 9 сент. 1854 г., въ арх. Гор—го.

2) Письмо О. П. Салмановой къ А. В.—чу отъ 18 мар. 1857 г., въ арх. Гор—го.

3) Письмо А. В.—ча къ К. И. Невоструеву отъ 20 апр. 1857 г., въ арх. Горскаго.

сали, недугъ увеличивался и, наконецъ, 28-го іюня, послѣ случившагося съ нимъ удара, онъ скончался ¹⁾.—Если домашніе убивались раньше по умершемъ сынѣ и братѣ—Вл. В—чѣ, то можно представить, какъ было велико настоящее ихъ горе. Семья и знавшіе В. С—ча оплакивали въ немъ добраго, нѣжнаго, сердечнаго человѣка,—супруга отца, родственника и друга. Когда теперь только читаешь его простыя, задушевныя письма, и то отдаешь справедливость добрымъ душевнымъ качествамъ его. Кромѣ общечеловѣческаго чувства къ умершему, на семейныхъ удручающимъ образомъ дѣйствовали еще предстояція имъ нужды и лишенія. В. С. при жизни былъ поильцемъ-кормильцемъ всей своей не малой семьи. Теперь, со смертью его, мать-старушка, вдова-сестра и малолѣтнія ея дѣти лишались всякихъ средствъ къ существованію.—Для А. В—ча явилась забота объ ихъ устройствѣ. Что прежде только частію касалось его, то теперь лежилось на него всеѣмъ своимъ гнетомъ. Не мало прошло времени, пока онъ не выхлопоталъ для матери пенсію и не переселилъ ее и сестру къ себѣ въ Посадь; не мало, значить, было ему и внутренняго безпокойства за нихъ.

Занятія надъ синодальными рукописями, расширившіеся объемъ преподаваемаго предмета и, можетъ быть, послѣднее семейное несчастье, связавшее А. В—ча, что называется, по рукамъ и по ногамъ, заставили его просить себѣ помощника по церковно-исторической кафедрѣ. Къ первому семестру учебнаго 1858 года таковымъ и былъ назначенъ, по его же указанію, только-то окончившій курсъ даровитый студентъ нашей академіи П. К. Соколовъ (впослѣдствіи извѣстный профессоръ церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ), двоюродный братъ А. В—ча. А. В—чѣ уступилъ ему чтеніе русской церковной исторіи, а себѣ оставилъ преподаваніе прочихъ отдѣловъ церковно-исторической науки ²⁾.

Въ одно почти время съ этимъ А. В—чу предстало не-

¹⁾ Письмо А. В—ча къ К. П. Невоструеву отъ 10 августа 1857 г., въ арх. Горскаго.

²⁾ Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 8 іюля 1858 г., въ арх. Горскаго.

ожиданное искушеніе переменить родъ своей службы. Оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой предлагалъ ему перейти въ Петербургъ въ канцелярію Синода. Что были за мотивы къ тому у графа и при какихъ обстоятельствахъ это случилось, неизвѣстно. Изъ письма къ А. В.—чу Филарета (Черниговскаго) видно, что онъ отказался отъ такой чести ¹⁾. Въ Петербургъ А. В.—чь поѣхалъ въ слѣдующемъ году, но не надолго, и по другому совершенно дѣлу.

Между тѣмъ еще въ 1856 году возбужденное оффиціальнымъ порядкомъ дѣло перевода Библии на русскій языкъ въ началѣ 1858 года стало близиться и къ осуществленію. Трудъ перевода раздѣленъ былъ между четырьмя духовными Академіями, которымъ отъ Св. Синода предписано было избрать изъ среды ученыхъ мужей ихъ людей способныхъ къ тому, начавъ дѣло съ новозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія. Въ московской духовной Академіи для сей цѣли, въ числѣ не многихъ другихъ, избранъ былъ А. В. Горскій, и онъ много положилъ труда на это благое дѣло. Ему импонно, особенно на первыхъ порахъ (въ 1858 — 1860 годахъ), когда онъ еще не былъ ректоромъ Академіи, принадлежалъ главный трудъ перевода; другіе члены переводнаго комитета лишь провѣряли и исправляли сообща переводъ А. В. Горскаго. Такъ было въ отношеніи къ Св. книгамъ Новаго Завѣта. Въ отношеніи же къ книгамъ Ветхаго Завѣта (Псалтирь, въ послѣдней половинѣ ея) А. В. Горскому, который въ то время былъ уже ректоромъ Академіи, принадлежало лишь главное руководство и наблюденіе за переводнымъ трудомъ другаго лица (П. И. Горскаго) ²⁾.

Въ февралѣ 1859 года Петербургская духовная Академія намѣревалась праздновать пятидесятилѣтіе своего существованія. На юбилейное торжество былъ приглашенъ и м. Филаретъ, которому Академія была обязана первымъ устройствомъ по всѣмъ своимъ частямъ. По разстроенному состоянію здоровья, онъ отказался отъ личнаго присутство-

¹⁾ Письмо Филарета отъ 5 августа 1853 г. въ Прибавл., XXXVI 468.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ изслѣдованіи П. Кореуекаго о трудахъ Моск. дух. Академіи по переводу св. Писанія на русскій языкъ, помѣщенномъ въ *Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ* за 1889—1891 годы.

ванія въ Академіи, а вмѣсто того предложилъ своему Академическому правленію отправить туда депутатомъ профессора Делицына. Старець протоіерей былъ слабъ слишкомъ для такого дальняго путешествія, и вмѣсто него правленіе назначило для присутствованія при празднованіи юбилея А. В.—ча. Такъ, случайно устроилась первая поѣздка А. В.—ча въ Петербургъ. Пробылъ въ столицѣ онъ очень не долго: обязанности службы тянули его обратно въ Академію. Съ пути онъ извѣщалъ митрополита о порядкѣ юбилейнаго праздника „Предъ окончаніемъ литургіи (которою началось торжество),—писалъ онъ ему,—о. Ректоръ Академіи (архимандритъ Теофанъ) произнесъ слово, исполненное, подобно другимъ его словамъ, духа ревности о православіи, хотя въкоторыхъ и кажется, что приличіе было-бы въ церковномъ словѣ избѣжать нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій о протестантахъ, тѣмъ болѣе, что за литургіею находился и принцъ Ольденбургскій“. Далѣе въ донесеніи онъ говорилъ, какъ шелъ самый актъ и кто изъ особъ на немъ присутствовалъ. Въ заключеніе всего А. В.—чь писалъ митрополиту: „по приказанію Вашему, имѣлъ я честь являться къ членамъ Св. Синода, съ привѣтствіемъ Вашего Высокопреосвященства, и отъ всѣхъ слышалъ вопросы, исполненные самаго живаго участія, о безцѣнномъ здравіи Вашемъ“¹⁾. — Настоящая поѣздка въ Петербургъ для А. В.—ча имѣла то значеніе, что доставила ему случай лицемъ къ лицу предстать предъ высшимъ епархіальнымъ и духовно-училищнымъ начальствомъ.

Кажется, такіа назначенія и порученія, какъ представительство на торжественныхъ собраніяхъ различныхъ учреждений, сами по себѣ слишкомъ мелочны и для нихъ не стоило-бы А. В.—чу отрываться отъ своихъ серьезныхъ научныхъ занятій. Но кто не знаетъ, что иной разъ и такіа неважныя вещи влекутъ за собою важныя послѣдствія. А. В. вскорѣ имѣлъ еще случай убѣдиться въ этомъ. Въ октябрѣ того же 1859 года чрезъ кого-то ему поручено было митрополитомъ составить краткую записку о томъ,

¹⁾ См. о назначеніи проф. Гор—го депутатомъ при празднованіи С.-Петербургскою Дух. Акад. 50 лѣтня своего существованія въ дѣлахъ академ. Правлен. за 1859 г. № 6.

„необходимо-ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи, и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступить въ бракъ“. А. В. принялся за этотъ вопросъ, какъ и за всякій другой ему закъ, не вдаваясь много въ дальнѣйшія его цѣли. Черезъ нѣсколько времени оказалось, что эти двѣ-три страницы, написанныя въ его разрѣшеніе, имѣли значеніе для всей собственной его судьбы. Какъ извѣстно, А. В. — чь давно желалъ принять санъ священства и принялъ-бы, если-бы не требовалось предварительно вступить въ бракъ. Объ этомъ желаніи его зналъ и митрополитъ. Видя раньше изъ разговоровъ, что А. В. не приметъ монашества, онъ рѣшилъ дать ему священный санъ. Это намѣреніе митрополита и было для него побужденіемъ заставить А. В.—ча навести справку на счетъ безбрачія бѣлаго духовенства. Очевидно митрополитъ хотѣлъ напередъ знать, не встрѣтятся-ли его планы каноническаго себѣ препятствія. А. В. безпристрастно изслѣдовалъ предложенный ему вопросъ и въ концѣ пришелъ къ тому заключенію, что „канонически не было воспрещено рукополагать во священники и діаконы изъ безбрачныхъ; но вслѣдствіе разныхъ причинъ само собою, какъ въ Греціи, такъ и у насъ на Руси, ввелось въ обычай поставлять только вступившихъ въ бракъ ¹⁾. Такой отвѣтъ А. В.—ча приходился по мыслямъ митрополиту и онъ послѣ того дозволилъ ему просить объ удостоеніи его благодати священства и предположительно указалъ время, когда это можетъ совершиться“ ²⁾. Въ своемъ официальномъ прошеніи объ этомъ митрополиту А. В. прописывалъ, что желаніе быть служителемъ алтаря онъ питаетъ въ себѣ уже давно,—что если онъ не вступаетъ въ семейную жизнь, то лишь по расположенію къ ученымъ занятіямъ,—что теперь, при помощи Божіей, онъ довольно уже испыталъ себя въ этомъ состояніи, и потому просить удостоить его сана и причи-

¹⁾ См. рукописную статью его подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ арх. Гор.—го.

²⁾ Докладная записка А. В. при прошеніи его митрополиту объ удостоеніи сана, отъ 12 марта 1860 г., въ арх. Гор.—го.

слить къ какой-либо церкви, имѣющей свободное священническое мѣсто, но не требующей наличнаго священника, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ, по прежнему, продолжать, службу при Академіи ¹⁾. Митрополитъ положилъ такую резолюцію на немъ: „1) на основаніи шестаго правила 6-го вселенскаго собора, проф. А. Горскій даетъ непреложное обѣщаніе и подписку, что по вступленіи въ священство, будетъ безбраченъ до конца жизни. 2) Проф. Горскій назначается во священника къ кафедральному собору. 3) Къ исповѣди, и, если не окажется сомнѣнія, къ присягѣ и къ посвященію“ ²⁾. Съ рѣшеніемъ митрополита кончались всѣ формальности; очередь послѣ того оставалась за самымъ дѣломъ. 24-го Марта 1860 года А. В. и былъ рукоположенъ во священника.

Случай производства во священную степень безбрачнаго—небывалый въ нашей церковной практикѣ. Понятно поэтому, какъ было принято въ обществѣ, духовномъ и свѣтскомъ, рукоположеніе А. В.—ча. Поднялся настоящій шумъ: говорили объ этомъ всѣ, говорили много, и pro et contra; ходили разные нелѣпные слухи и толки—къ стыду сказать—даже среди своихъ академическихъ братьевъ ³⁾. Раньше эти толки могли-бы поколебать въ рѣшеніи высшую епархіальную власть; теперь все свершилось и А. В. много не опасался ихъ. „Мое положеніе теперь легко,—писалъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе ему К. И. Невоструева, безъ заботливости о послѣдствіяхъ, выслушиваю толки pro et contra. Худо было-бы, когда-бы подобные толки поднялись до посвященія. Тогда переболѣло-бы отъ нихъ сердце“ ⁴⁾. Если бы мы проникли въ душу самаго А. В. не задолго до его посвященія, мы увидѣли-бы, съ какимъ нагроиеніемъ рѣшался онъ на такой важный въ жизни шагъ и какъ онъ смотрѣлъ на задуманное имъ святое дѣло. Какой-то радостный трепетъ и вмѣстѣ боязнь и смущеніе овладѣвали тогда его всею душою. „Поддержите, —не просилъ, а почти умолялъ онъ преосв. Леонида, еп. Дмитровскаго, предъ своимъ

¹⁾ Прошеніе это, въ черновомъ видѣ, хранится въ арх. Гор—го.

²⁾ Конія съ резолюции снята А. В. -чемъ и хранится въ его архивѣ.

³⁾ Письмо А. В. къ К. И. Нев—ву отъ 20 мая 1860 г., въ арх. Гор—го.

⁴⁾ Письмо отъ 19 апрѣл. 1860 г. въ арх. Гор—го.

посвященіемъ,—духовною помощію первые шаги рѣшающагося приблизиться къ престолу благодати. Достоинство сава велико, а недостойнство, не смотря на долгое приготовленіе неготовой жизни, безмѣрно. Оставляя всѣ внѣшнія соображенія, я думаю сосредоточить мысли и чувства на себѣ самомъ, чтобы глубже почувствовать великость дара благодати и съ большимъ дерзновеніемъ уповать повсргнуться въ бездну щедротъ и милосердія Божія¹⁾. А по принятіи священства, чрезъ мѣсяць, онъ писалъ К. И—чу: „теперь я, по милости Божіей, послуживаю обѣдни, когда бываетъ удобно по классическимъ отношеніямъ. Здѣшніе старцы говорятъ, что новорукоположенный священникъ долженъ служить сряду сорокъ дней литургіи. Я еще въ Москвѣ въ послѣдніе дни началъ дѣлать пропуски: да и теперь не каждымъ днемъ могу воспользоваться. По крайней мѣрѣ, стараюсь сдѣлать возможное“²⁾ Какъ, значить, былъ радъ А. В.—чь своему новому служенію и какъ серьезно къ нему относился! Онъ выполнялъ неписанныя преданія своихъ старцевъ на счетъ іерейства, не говоря уже о прямыхъ и ясныхъ постановленіяхъ церковныхъ. Не даромъ онъ не только далъ, но и для всегдашняго памятованія списалъ и хранилъ у себя свою священническую присягу³⁾: —хотѣлъ быть истовымъ, настоящимъ служителемъ алтаря Господня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Поповъ.

1) Письмо отъ 9 марта 1860 г., въ арх. Гор—го.

2) Письмо отъ 19 апр. 1860 г. въ арх. Гор—го.

3) Присяга и до сихъ поръ хран. въ арх. Гор—го.